

СТРАТЕГИИ И ПРОСТРАНСТВА КОММЕМОРАЦИИ STRATEGIES AND SPACES OF COMMEMORATION

DOI 10.15826/izv2.2024.26.2.036
УДК 130.2:2 + 32.019.51 + 94(470) +
+ 725.945.1 + 316.648.3 + 316.7 +
+ 94(470)“1941/1945” + 94:159.953

А. Д. Попов

¹*Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского*

Симферополь, Россия

²*Тюменский государственный университет*
Тюмень, Россия

ГЕНЕЗИС И МЕТАМОРФОЗЫ СОВЕТСКОГО РИТУАЛЬНОГО КАНОНА ПОМИНОВЕНИЯ ПОГИБШИХ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1940–1960-е гг.)

В статье рассматривается возникновение и последующее развитие ритуально-мемориальных практик, связанных с поминанием погибших участников Великой Отечественной войны в СССР 1940–1960-х гг. Показано, что военный церемониал 1941–1945 гг. оказал значительное влияние на развитие послевоенных ритуалов коммеморации, проводившихся гражданским населением возле мемориальных сооружений (почетный караул, произнесение клятвы, траурный салют). Далее автор характеризует мемориальные новации периода 1957–1968 гг., который он называет «осевым временем», когда сформировался практически не изменявшийся на протяжении всего позднесоветского периода и во многом актуальный до сих пор мемориальный канон, включавший культы Неизвестного солдата и Вечного огня, комсомольско-пионерские посты № 1 и др. Их появление в советских реалиях и последующее распространение было обусловлено сочетанием многих внутренних и внешних факторов, а также совокупностью усилий различных акторов — от первых лиц государства до идеологических работников низшего звена и педагогов. Отдельные ритуальные формы могли заимствоваться из-за рубежа, однако трансформировались и адаптировались к советской мемориальной культуре. Рефлексируя по поводу популярного концепта «изобретение традиций» Э. Хобсбаума, автор на основе проанализированных им примеров показывает, что условно новые ритуалы не возникают «с чистого листа». В действительности происходит процесс более или менее креативного конструирования с учетом уже существующих в отечественной или зарубежной мемориальной культуре практик, сценариев, материально-символических объектов. Также имеет

место эффект «ритуальной синергии», когда распространение одних ритуалов создает условия для появления и развития других.

Ключевые слова: коммеморация; ритуал; политика памяти; «изобретение традиций»; Вечный огонь; Неизвестный солдат; Великая Отечественная война; СССР

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 20-18-00342 «Институциональные и неинституциональные ритуалы в структуре позднесоветского общества (1956–1985)».

Цитирование: *Попов А. Д.* Генезис и метаморфозы советского ритуального канона поминовения погибших участников Великой Отечественной войны (1940–1960-е гг.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26, № 2. С. 260–276. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.2.036>

Поступила в редакцию: 03.12.2022

Принята к печати: 08.04.2024

Aleksei D. Popov

¹ *V. I. Vernadsky Crimean Federal University*
Simferopol, Russia

² *Tyumen State University*
Tyumen, Russia

GENESIS AND METAMORPHOSES OF THE SOVIET RITUAL CANON OF COMMEMORATION OF THE DEAD PARTICIPANTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (1940s–1960s)

This article examines the emergence and subsequent development of ritual and memorial practices related to the commemoration of the dead participants in the Great Patriotic War in the USSR in the 1940s–1960s. The author demonstrates that the military ceremony that developed in 1941–1945 had a significant impact on the development of postwar commemorative rituals conducted by civilians near memorial buildings (guard of honour, pronouncing an oath, mourning salute). Further, the author considers the memorial innovations of the period of 1957–1968, which he calls “axial age,” when a memorial canon which practically did not change throughout the late Soviet period formed and is still relevant; it included the cult of the Unknown Soldier, the cult of Eternal Flame, and Komsomol-pioneer posts No. 1, etc. Their appearance in Soviet realities and subsequent distribution was due to a combination of many internal and external factors, and the coincidence of the efforts of various actors – from the top officials of the state to ideological lower-level workers and teachers. Individual ritual forms could be borrowed from abroad but transformed and adapted to Soviet memorial culture. Reflecting on the popular concept of “inventing traditions” by E. Hobsbawm and based on the examples he analysed, the author shows that the possibilities of inventing rituals “from scratch” are very limited. In fact, there

is a process of creative construction, considering the practices, scenarios, material, and symbolic objects already existing in national or foreign memorial culture. There is also the effect of “ritual synergy” when the spread of some rituals creates conditions for the appearance and development of others.

К е у о р д: commemoration; ritual; memory policy; invention of traditions; Eternal Flame; Unknown Soldier; Great Patriotic War; USSR

Acknowledgements

The article was prepared with the support of the *Russian Science Foundation* grant 20-18-00342 “Institutional and Non-Institutional Rituals in the Structure of Late Soviet Society (1956–1985)”.

F o r c i t a t i o n: Popov, A. D. (2024). Genезis i metamoρφoзы sovetskogo ritual'nogo kanona pominoventiia pogibshikh uchastnikov Velikoi Otechestvennoi voiny (1940–1960-e gg.) [Genesis and Metamorphoses of the Soviet Ritual Canon of Commemoration of the Dead Participants of the Great Patriotic War (1940s–1960s)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 26(2), 260–276. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.2.036>

Submitted: 03.12.2022

Accepted: 08.04.2024

Введение

Мировые войны XX в., сопровождавшиеся многомиллионными жертвами, способствовали усложнению мемориальной культуры поминовения погибших, включающей несколько взаимосвязанных составляющих: совокупность материальных объектов, структурированный корпус нарративов и относительно устойчивые сценарии ритуальных практик. В большинстве исследовательских работ приводится целостное, интегративное описание монументальной, нарративной и ритуальной составляющих коммеморации [см., например: Копосов; Юдкина, 2013; Tumarkin]. Значительно реже ритуальная составляющая рассмотрена в отдельных разделах [Davis, p. 149–173; Gill, p. 135–140, 207–212, 256–263], что способствует ее более глубокому анализу с политико-идеологического и социально-антропологического ракурсов.

Также исследователями выделяются два вектора стимулирования коммеморативной активности, в том числе в ритуальной сфере. Один из них иницируется «сверху» и включает в себя официальную политику памяти государства, направленную на консолидацию общества и поддержание существующего порядка с помощью образов прошлого. Другой вектор включает «низовые» инициативы индивидуальных акторов и социальных групп, деятельность которых обусловлена социально-психологическими и этическими мотивами на фоне таких совместно переживаемых коллективных эмоций, как скорбь, признательность, гордость, благоговение. Как справедливо отмечает О. С. Поршнева в своем анализе памяти о Первой мировой войне, эти два вектора необходимо

рассматривать комплексно, в методологическом синтезе, с выявлением механизмов их взаимодействия и взаимовлияния [см.: Поршнева, с. 132–138].

Именно такой «синтезирующий» подход применяется в данной статье, целью которой является анализ возникновения и эволюции советских ритуальных практик, связанных с коммеморацией погибших в годы Великой Отечественной войны сакрифицированных жертв, воспринимавшихся как герои (военнослужащих, партизан, подпольщиков). Практики поминовения виктимных жертв (погибших военнопленных, гражданского населения) в СССР послевоенного периода имели свою специфику и требуют отдельного рассмотрения. Крайним хронологическим рубежом исследования является конец 1960-х гг., поскольку именно к этому времени в Советском Союзе сформировался практически не изменившийся впоследствии мемориальный канон, включавший культы Неизвестного солдата и Вечного огня, факельные шествия, комсомольско-пионерские посты № 1 и др. На основе анализа источников будет сделана попытка ответить на следующие вопросы: 1) как сформировался базовый ритуальный канон коммеморации погибших в годы Великой Отечественной войны; 2) под влиянием каких факторов и акторов на протяжении второй половины 1950-х — второй половины 1960-х гг. в этот канон были внесены значимые инновации.

«Эхо траурного салюта»: генезис базового ритуально-мемориального канона в годы Великой Отечественной войны

Торжественный порядок погребения военнослужащих был регламентирован в «Уставе гарнизонной службы Красной Армии», утвержденном 24 января 1941 г. В этом документе ничего не говорилось о специфике погребения в военное время, но в целом был довольно подробно описан ритуал, который по возможности использовали и в годы Великой Отечественной войны. Он предусматривал наличие почетного эскорта, почетного караула и военного оркестра; транспортировку тела покойного на лафете (машине, повозке); траурный салют из стрелкового оружия или артиллерийских орудий; возложение венков на могилу [Устав..., с. 66–68].

В послевоенных версиях устава этот алгоритм был дополнен и конкретизирован [см.: Общевоинские уставы..., с. 299–303], например, добавлено упоминание о траурных митингах, хотя они проводились и в военное время, если это позволяла боевая обстановка. Например, 14 августа 1943 г. в газете «Красная звезда» были подробно описаны похороны снайпера Ивана Зулина. Похоронный ритуал включал в себя траурный митинг с участием боевых товарищей, коллективную клятву присутствующих мстить врагам за его смерть, артиллерийский залп-салют в сторону позиций неприятеля, установление на могиле памятника с прославлявшей подвиги Зулина мемориальной надписью [Клятва у гроба...]. Такой эталонный ритуальный сценарий не только соответствовал традициям армейской корпорации, но и включал в себя элементы сложившейся еще в первые годы советской власти практики публичных гражданских похорон

[подробнее см.: Малышева, с. 116–246]. Благодаря использованию атрибутов политической символики, произнесению речей идеологического содержания, исполнению «Интернационала» духовым оркестром, такой похоронный ритуал был не только направлен на акцентуацию чувства скорби, усиление ненависти к врагу и формирование потребности к мщению (что особенно актуально в военное время), но и поддерживал существующий идеологический порядок. В одной из своих речей 1943 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин призывал военных агитаторов: «Вы у себя в частях должны добиваться того, чтобы хоронили как полагается... Агитируйте и следите за тем, чтобы красноармейским похоронам придавался по возможности торжественный характер. Это будет оказывать влияние на воспитание людей...» [Калинин, с. 9].

Организованные погребения советских военнослужащих, представлявшие из себя индивидуальные и братские могилы, становились важными объектами коммеморации. С 1 мая 1944 г. были введены в действие «Наставления по учету личного состава Красной Армии (в военное время)», окончательно закрепившие сложившийся на практике тип военного погребения с памятником, на котором указывались фамилия, имя, отчество, звание, дата гибели погибшего / погибших. При захоронении погибших красноармейцев рекомендовалось выбирать «лучшие места»: площади, парки, скверы, а за пределами населенных пунктов — курганы, перекрестки дорог [подробнее см.: Попов, с. 227–228].

На освобожденной от врага территории кроме индивидуальных и братских могил военнослужащих, отмеченных надмогильными сооружениями из «недолговечных материалов», уже в военное время стали появляться первые монументальные мемориалы. Их открытие проводилось при участии военнослужащих и с воинскими почестями (почетный караул, военный оркестр, салют), однако в этих мероприятиях участвовало и большое количество гражданских лиц. Например, в октябре 1944 г. на вершине горы Митридат в Керчи был торжественно открыт 24-метровый Обелиск Славы в честь погибших бойцов Отдельной Приморской армии. На открытии присутствовали не только военнослужащие, но и городские руководители, а также более 2 тыс. жителей города. После митинга и возложения венков был произведен артиллерийский салют [Открытие памятника...]. Таким образом, происходила своеобразная передача «эстафеты памяти» от боевых товарищей погибших к гражданскому населению, причем как в символическом, так и в утилитарном значении. Поскольку мемориализованные места погребения после окончания боевых действий на данной территории передавались в ведение местных властей, то вопросы их сохранения, ремонта, благоустройства впоследствии решались именно усилиями гражданских лиц, чаще всего на общественных началах. Аналогичная ситуация складывалась и с захоронениями погибших партизан [Еремеева, Коваленко, с. 31]. Что же касается ритуальных практик послевоенного периода, то они также совершались в основном гражданским населением разных поколений, однако часто в адаптированном виде воспроизводили описанные выше военные образцы — почетный караул, произнесение клятвы [Лейн, с. 55].

«Осевое время» послевоенного ритуального канона

Период 1957–1968 гг. стал своеобразным «осевым временем», во время которого в советский мемориально-ритуальный канон памяти о Великой Отечественной войне были внесены важнейшие элементы, которые, органично дополнив ритуалы военного времени, во многом остаются системообразующими до сих пор. Почему такие значимые новации возникли именно в данный период, который с точки зрения традиционной периодизации истории советского общества включает «оттепель» и первые годы «застоя»? По всей видимости, это было связано с целым комплексом причин: формированием соответствующего политико-идеологического запроса, усилением общественного внимания к событиям 1941–1945 гг., хрущевскими экспериментами с «новой советской обрядностью», а также созданием более благоприятных условий для мемориального трансфера из-за рубежа как одного из источников инноваций.

Большинство исследователей утверждают, что в период позднего сталинизма доминировало консервативное, сдержанное отношение к памяти о Великой Отечественной войне и ее жертвах, которое поддерживал лично И. В. Сталин [см., например: Копосов, с. 93–94; Davis, p. 50; и др.]. Видимо, именно поэтому период второй половины 1940-х — середины 1950-х гг. не был отмечен внесением каких-то значимых изменений в ритуальный канон военного времени.

После начала десталинизации ситуация изменилась. Активизируется общественный интерес к данной теме, причем не только со стороны участников войны, но и со стороны подрастающего поколения. В 1957 г. появляются первые публикации, связанные с возникновением в Советском Союзе движения «красных следопытов», направленного на изучение и популяризацию истории революционного движения, гражданской и Великой Отечественной войны. На фоне стимулирования общественного активизма во многих сферах, в целом характерного для хрущевского периода [Хархордин, с. 364], именно советская молодежь рассматривалась в качестве исполнителей прикладных аспектов коммеморации, таких как уход за братскими могилами, создание новых памятников и благоустройство прилегающей к ним территории, выявление или уточнение имен погибших [см.: Мельникова, с. 30–34, 45–46].

В связи со спецификой объекта своего внимания (максимально героизированные страницы военного прошлого), а также из-за свойственного детско-юношескому возрасту романтизма, пионеры и комсомольцы легко воспринимали и воспроизводили как армейскую терминологию («операция», «пароль», «поход»), так и сходные по форме с военными ритуалы. Не случайно, например, в 1968 г. во время ночного сбора для участия в первой «операции “Бескозырка”» новороссийская молодежь использовала пароль-отзыв: «Слава боевая... / ...десант не умрет!» [Новороссийский комсомол, с. 146]. Всё это давало возможность опираться на память о войне при проведении воспитательно-патриотической работы.

Еще одной заметной тенденцией хрущевского периода являлась активизация деятельности по созданию «новой советской обрядности», которая должна была

окончательно вытеснить религиозные обряды [см.: Смолкин, с. 349–391]. Этот процесс активизировал поиск объектов, практик и символов, которые можно было бы наделить сакральным содержанием безотносительно какого-либо религиозного культа. В этих условиях память о Великой Отечественной войне стала очень значимой не только для появления новых «святых мест», пантеона сакральных героев, календаря знаменательных дат, но и для создания новых ритуальных практик.

Важным фактором являлась также активизация международных контактов СССР в постсталинский период — как на уровне обмена официальными делегациями, так и на уровне публичной дипломатии, включавшей взаимные поездки спортсменов, деятелей искусств, организованных туристических групп. Например, в апреле 1956 г. советские СМИ сообщили, что во время своего официального визита в Лондон советский лидер Н. С. Хрущев посетил Вестминстерское аббатство, где «провел минуту молчания у находящейся здесь Могилы Неизвестного солдата» [Краминов]. Впервые оказавшийся во Франции в 1957 г. советский писатель В. П. Некрасов в рассказе «Первое знакомство» подробно описал свои впечатления от посещения парижской Могилы Неизвестного солдата с Вечным огнем [Юдкина, 2015а, с. 263–264]. Активизация знакомства с мемориальной культурой зарубежных стран могла способствовать трансграничному трансферу символов, ритуалов, церемоний. Как будет показано далее, зарубежный опыт коммеморации, особенно связанный с соцстранами, мог восприниматься в качестве образца для подражания.

С точки зрения официальной политики памяти наиболее заметное повышение символического статуса Великой Отечественной войны произошло в 1965 г. в связи с празднованием 20-летия Победы. Это являлось результатом целенаправленной деятельности Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, стремившегося таким образом повысить свой авторитет после смещения Н. С. Хрущева за счет поддержки бывших фронтовиков. Реализация такой политики «сверху» способствовала не только легитимизации, но и еще большей активизации низовых инициатив.

Неизвестный солдат, Вечный огонь и другие мемориальные новации 1957–1968 гг.

Появление заметных мемориальных инноваций, обусловленных перечисленными выше факторами, относится к периоду 1957–1968 гг. Прежде всего они проявились в широком распространении на территории СССР мемориального культа Неизвестного солдата. Практики коммеморации погибших военнослужащих, личность которых не была установлена, появились во многих европейских странах и в США вскоре после окончания Первой мировой войны [подробнее см.: Юдкина, 2015а, с. 257–261]. События Великой Отечественной войны с ее многомиллионными жертвами из числа военнослужащих, останки многих из которых при обнаружении невозможно было идентифицировать,

способствовали актуализации символического образа Неизвестного солдата и в советской культуре памяти.

Мощный импульс распространению данного культа в СССР придало состоявшееся 3 декабря 1966 г.¹ перезахоронение останков Неизвестного солдата в Александровском саду возле Кремлевской стены в Москве, где 8 мая 1967 г. был торжественно открыт мемориал Могила Неизвестного солдата. Сюда с соблюдением всех предусмотренных уставом воинских почестей были доставлены и захоронены найденные во время строительных работ на 41-м километре Ленинградского шоссе останки советского солдата, личность которого невозможно было установить [Муравьев, с. 34–41]. На протяжении всего последующего советского периода этот мемориал являлся основным местом проведения официальных мероприятий в столице СССР, связанных с поминовением погибших воинов Великой Отечественной войны. В частности, здесь регулярно совершались ритуалы возложения венков высшим руководством страны и представителями зарубежных делегаций.

Образ Неизвестного солдата не противоречил героизирующему характеру советской коммеморации — он должен был восприниматься как герой, к которому заслуженная слава пришла с опозданием и без объективной возможности установить конкретные обстоятельства подвига. Об этом свидетельствовала в том числе эпитафия на московском мемориале: «Имя твое неизвестно / Подвиг твой бессмертен» [Куляпин, Скубач, с. 136–138]. Случаи публичного перезахоронения останков неидентифицированных советских солдат на территории мемориальных комплексов или мемориальных кладбищ, происходившие в различных населенных пунктах СССР, также происходили с соблюдением воинских почестей, при участии большого количества советских граждан, активно освещались в СМИ.

Занимавший в 1962–1967 гг. должность первого секретаря Московского городского комитета КПСС Н. Г. Егорычев в своих мемуарах утверждает, что идея создания мемориала, посвященного Неизвестному солдату, возникла у него и других работников горкома из числа бывших фронтовиков в процессе подготовки к 25-летию празднования битвы за Москву. Также он сообщает, что во время одной из бесед Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин якобы сказал ему: «Был я недавно в Польше, возлагал венок на Могила Неизвестного Солдата. Почему в Москве такого памятника нет?» и затем присоединился к числу тех, кто поддерживал реализацию данной идеи [Егорычев, с. 188–189].

Однако источники свидетельствуют, что в действительности такого рода идеи возникали еще во второй половине 1950-х гг. 8 мая 1956 г. в «Литературной газете» появилась небольшая заметка о том, что по решению руководства Украинской ССР в Киеве предполагается создать мемориал воинам Советской Армии, погибшим в годы Великой Отечественной войны, одним из элементов

¹ С 2014 г. в Российской Федерации День Неизвестного солдата установлен как официальная памятная дата и ежегодно отмечается именно 3 декабря.

которого должна была стать «могила Неизвестного солдата» [Памятник Вечной славы]. Вскоре после этого в ЦК КПСС поступило письмо, подписанное «полковник Н. Н. Зверев»². Автор, после прочтения упомянутой статьи в «Литературной газете», в своем письме высказал мнение, что идея создания мемориала Неизвестному солдату в СССР заслуживает одобрения и будет иметь большое символическое значение. Но при этом он обращал внимание, что в европейских странах такие мемориалы расположены в столицах и имеют общенациональное значение. Поэтому он называл идею создания мемориала в Киеве «неоправданной» и предлагал разместить такой объект в Москве, предпочтительно — на Красной площади [РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 596, л. 73–74]. Однако мемориальный комплекс, включающий как один из элементов Могилу Неизвестного солдата, останки которого были перезахоронены с территории Лютежского плацдарма, все же был открыт именно в Киеве 6 ноября 1957 г. [Парк Вечной славы], т. е. почти за 10 лет до появления Могилы Неизвестного солдата в Москве.

Известно также, что на заседаниях комиссии по подготовке к VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов 1957 г. в Москве отдельные советские функционеры высказывали мысль, что на тот момент в столице СССР не было таких воинских мемориалов и возможностей для проведения масштабных ритуальных церемоний, которые они видели до этого во время своих визитов в Берлин, Варшаву, Прагу. В частности, на заседании комиссии 4 сентября 1956 г. первый секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин заявил: «...надо бы [в Москве] заложить памятник советским воинам, погибшим во время Отечественной войны, сделать нечто вроде “Могилы неизвестного солдата”» [РГАСПИ, ф. М-3, оп. 15, д. 10, л. 55–56]. Хотя непосредственно к фестивалю эта идея так и не была реализована, но летом 1957 г. на страницах «Литературной газеты» была опубликована подборка писем читателей, обсуждавших идею о необходимости создания «памятника Неизвестному солдату» в Москве [см.: Памятник Неизвестному солдату]. Таким образом, данная идея возникла и обсуждалась задолго до 1966 г., как это пытается представить в своих мемуарах Н. Г. Егорычев.

Еще одной важнейшей новацией советского мемориального канона стало появление и широкое распространение в СССР культа Вечного огня. С 1920-х гг. «огни памяти» стали появляться в странах Западной Европы на мемориалах, посвященных погибшим в Первой мировой войне. Во второй половине 1940-х гг. эта практика распространилась также в некоторых европейских странах, оказавшихся в советской зоне влияния. Например, 8 мая 1946 г. Вечный огонь был зажжен на существующей с 1925 г. Могиле Неизвестного солдата в Варшаве. В советской литературе традиционно указывалось, что первый Вечный огонь в СССР был зажжен 6 ноября 1957 г. на Марсовом поле в Ленинграде. Событие это произошло в канун 40-летия Великого Октября и посвящалось «всем героям

² Письмо написано 9 мая 1956 г., поступило в канцелярию ЦК КПСС не позднее 19 мая 1956 г. Автором письма являлся Зверев Николай Николаевич (1913–2003), полковник, участник Великой Отечественной войны, в 1950–1954 гг. — военный атташе посольства СССР во Франции.

борьбы за свободу», в том числе похороненным здесь участникам революционного движения [Вечный огонь на Марсовом поле]. Гораздо менее известно, что 6 ноября 1957 г. состоялось и открытие уже упоминавшегося мемориала с Могилей Неизвестного солдата в Киеве, где также имелся Вечный огонь, зажженный в тот же день маршалом В. И. Чуйковым [Парк Вечной славы]. Таким образом, особая коммеморативная значимость киевского мемориала заключалась в том, что он являлся первым на территории СССР примером сочетания Могилы Неизвестного солдата и Вечного огня в рамках одного мемориального комплекса [см.: Память о них...].

Современная исследовательница Анна Юдкина в двух своих публикациях [Юдкина, 2013; 2015б] доказала, что в действительности первым на территории Советского Союза был Вечный огонь в поселке Первомайский Щекинского района Тульской области. Дата его зажжения не позднее 9 мая 1957 г., т. е. почти за полгода до церемоний в Ленинграде и Киеве, подтверждается статьей в местной газете того времени [Добровольский]³. Некоторые местные жителей утверждают, что это произошло ранее — в 1955 или 1956 г., однако подтверждающих это прямых документальных свидетельств исследовательнице найти не удалось [Юдкина, 2015б, с. 117, 126–129, 132]. В газетной статье говорится о том, что 9 мая 1957 г. в поселке Первомайском на реконструированной братской могиле времен Великой Отечественной войны появился «неугасаемый факел». Право зажечь его получила школьница Люба Коротких, также в церемонии участвовал директор газового завода, управляющий трестом «Щекингазстрой» и секретарь Щекинского горкома КПСС [Добровольский]. Однако вплоть до 2000-х гг. память об этом событии сохранялась исключительно на локальном уровне.

Некоторые из первых Вечных огней в СССР (на Марсовом поле в Ленинграде, на Малаховом кургане в Севастополе) были зажжены на мемориалах, не связанных исключительно с событиями 1941–1945 гг. Однако ко второй половине 1960-х гг. культ Вечного огня стал важнейшим атрибутом памяти именно о Великой Отечественной войне. Закреплению этой символической связи способствовало личное участие Л. И. Брежнева в массовых и медийных церемониях зажжения Вечных огней — 8 мая 1967 г. на Могиле Неизвестного солдата в Москве и 15 октября 1967 г. на Мамаевом кургане в Волгограде. Впоследствии от более ранних и известных Вечных огней в Ленинграде, Севастополе, Волгограде, Москве и Киеве зажигались новые огни на различных мемориалах. В связи с этим возникли устойчивые ритуальные практики транспортировки сакрального огня, передачи его по эстафете факелоносцев, торжественного зажжения [Tumarkin, p. 126–127].

В целом, даже если признавать возможность «импорта» культов Неизвестного солдата и Вечного огня на территорию СССР, можно констатировать их адаптацию и перекодирование для соответствия паттернам советской

³ Автор выражает благодарность Анне Юдкиной, познакомившей его с неопубликованными материалами по данной теме из своего личного архива.

мемориальной культуры. Причем в случае с Вечным огнем имел место очень благоприятный символический фон распространения в связи с тем, что огонь, пламя, костер уже с первых лет советской власти метафорически связывались с революционным, комсомольским, пионерским движением, но именно теперь появился новый сакрализованный источник их получения. Не случайно, например, созданный в 1960-е гг. в Новороссийске комсомольский патриотический клуб «Альбатрос» имел девиз: «Не тлеть, а гореть! Да здравствует пламя жизни». Ритуал вступления в клуб происходил на Площади героев и включал в себя произнесение символической клятвы такого содержания: «Здесь, у Вечного огня, могил павших героев, святостью братских могил, сединами матерей, радостью Победы клянемся быть достойными бессмертия отцов!» [Георгиева].

Параллельно с распространением в СССР культа Вечного огня значительное распространение получают факельные шествия. Контент-анализ содержания центральной советской прессы позволяет установить, что факельные шествия эпизодически проводились советскими комсомольцами в 1920-е гг. и воспринимались ими как одна из традиций международного рабочего движения. Затем в СССР они не организовывались на протяжении нескольких десятилетий⁴, однако во второй половине 1960-х гг. стали практиковаться достаточно часто, в основном именно в контексте памяти о Великой Отечественной войне. Возможно, символическая «реабилитация» факельных шествий (нем. *Fackelzug*) была связана с их широким использованием в дружественной ГДР — в подобных мероприятиях иногда участвовали советские делегации и туристы, посещавшие эту социалистическую страну [см., например: Карпюк].

При этом на локальном уровне ситуация складывалась по разным сценариям. Например, в мае 1966 г. во время празднования Дня Победы факельное шествие было проведено в Севастополе [Ищенко], но это была разовая акция, не превратившаяся в традицию. В то же время в Керчи массовое факельное шествие на гору Митридат вечером 8 мая (накануне Дня Победы) впервые было организовано в 1967 г., в рамках мероприятий областного комсомольского слета [Поженян], и с тех пор ежегодно происходит до наших дней. Шествие с факелами к месту высадки десанта на Малую землю, впервые осуществленное в ночь с 3 на 4 февраля 1968 г. новороссийской молодежью во время мемориальной акции «Бескозырка», также проводится каждый год до сих пор [Davis, p. 149–173].

Как отмечает британский социолог Кристел Лейн, публичные церемонии поминовения погибших в годы Великой Отечественной войны в позднесоветский период происходили у мемориальных объектов с участием представителей нескольких поколений и включали в себя такой набор ритуалов, как почетный караул, памятные речи и рассказы о героических подвигах, торжественные клятвы помнить эти подвиги и при необходимости их повторить, чтение стихов, исполнение военно-патриотических музыкальных произведений, «минута

⁴ По всей видимости, это было обусловлено тем, что они могли вызывать ассоциации с аналогичными публичными ритуалами в нацистской Германии.

молчания»⁵, возложение цветов и венков [Лейн, с. 51]. Содержание ритуально-символических практик практически не зависело от того, были ли эти мемориальные сооружения построены на месте реальных захоронений или являлись памятниками-кенотафами [Мельникова, с. 25–30]. При этом наличие Вечного огня, как правило, указывало на более высокий символический статус мемориала. Начиная с 1960-х гг. и в последующие десятилетия такие объекты появились во всех столицах союзных республик, городах-героях, областных центрах.

Конструкторы ритуалов: традиции плюс креатив

В качестве примеров можно рассмотреть и несколько других сюжетов, относящихся к 1957–1968 гг., которые можно исследовать через парадигму «изобретения» ритуалов посредством конструирования ритуально-мемориальных практик. Так, к середине 1960-х гг. относится появление первых комсомольско-пионерских постов № 1, участники которых воспроизводили адаптированный сценарий воинского почетного караула у значимых мемориальных объектов. В 1980-е гг. такие постоянные посты действовали уже более чем в 140 населенных пунктах Советского Союза [Криворотенко, Подыма, с. 73–74]. Во всех источниках и публикациях начало этой традиции связывается с решением бюро Волгоградского городского комитета ВЛКСМ от 19 октября 1965 г. Согласно этому решению в ноябре 1965 г. лучшие волгоградские школьники заступили на караул первого в СССР комсомольско-пионерского поста № 1 у мемориала с Вечным огнем на площади Павших борцов в Волгограде [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 34, д. 726, л. 38]. В некоторых текстах уточняется, что в постоянном режиме это пост начал функционировать позже — с 27 апреля 1966 г. [Стоят мальчишки на посту]. Характерно, что уже в первые годы после появления поста № 1 в Волгограде возникли сопутствующие ритуалы: принятие клятвы перед первым заступлением на пост, ежемесячная торжественная передача учебными заведениями права заступать на караул от одного района города другому, привлечение «почетных часовых» из числа ветеранов и др. [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 34, д. 726, л. 38–41; Стоят мальчишки на посту, с. 40–53].

Благодаря участникам молодежного литературно-патриотического объединения «Шхуна ровесников» из Новороссийска появилась не только уже упоминавшаяся акция «Бескозырка», но и другие мемориально-ритуальные практики, не получившие такой широкой известности. В воспоминаниях о деятельности этого объединения, возникшего в 1965 г., особо подчеркивается организаторские способности и креативность его создателя — в то время корреспондента городской газеты «Новороссийский рабочий» Константина Ивановича Подымы

⁵ В данной статье не рассматривается телевизионная «Минута молчания» — ежегодная советская телепередача, возникшая в 1965 г. и относящаяся скорее к медиакультуре, чем к коммеморативным ритуалам. Что касается собственно ритуала «минуты молчания» в память об умершем, то, судя по контент-анализу советской прессы, он был известен в СССР уже в 1920-е гг.

(1946–2013). Только за 1966–1969 гг. «шхунатиками» было проведено более десятка «операций» мемориального содержания: «Флаг», «Письма потомкам», «Красные тюльпаны», «Бригантина», «Десант», «Штурм» и др. [Новороссийский комсомол, с. 153]. В частности, с 1966 г. они регулярно поднимали красный флаг на самодельном флагштоке, который был установлен ими на возвышающейся над Новороссийской вершине Сахарная голова — предполагаемом месте гибели в 1942 г. советского поэта Павла Когана [Подольский]. Именно эта вершина, которую называли также «пик Дерзости», являлась местом важнейших «палубных сборов» и ритуалов посвящения в члены объединения [Подыма, с. 38–42].

Во время официальных мероприятий поминовения в 1960-е гг. начинают достаточно часто использоваться не только традиционные букеты цветов и венки с лентами, но и так называемые «гирлянды славы», предназначенные для одновременного возложения к памятнику группой из четырех и более человек. Удалось выявить описание предполагаемого «изобретения» этой традиции в воспоминаниях одного из руководителей Всесоюзного пионерского лагеря «Артек» в 1961–1964 гг. Л. В. Яшуниной:

Летом 1962 года в пионерском лагере «Морской» на могиле Неизвестного матроса была установлена величественная скульптура... В день открытия памятника, как всегда, возложили к подножию венки из живых цветов. В этом была какая-то слишком похоронная интонация. С митинга ушли расстроенные и озадаченные. Ведь это традиция. Что делать? Отказаться от нее? Были споры, разные мнения, разные предложения. Но победил просто здравый рассудок. Если форма устарела, от нее следует отказаться. Решили возлагать гирлянду из зелени и цветов, увитую гвардейской лентой, — назвали ее гирляндой славы. Теперь эта традиция стала не только артековской, гирлянды возлагают в Москве у памятника Неизвестному солдату, у стен Брестской крепости, на Мамаевом кургане в Волгограде [Яшунина].

Судя по описаниям в прессе, на практике часто происходили и еще более сложные комбинации описанных выше ритуальных практик. Например, во время массового мероприятия на Пискаревском кладбище в июле 1967 г. участники возложили к монументу «огромную гирлянду Славы и венки» «в сопровождении факельного эскорта» [Королев]. В связи с этим нельзя не провести параллель с достаточно популярным концептом «изобретения традиций», под которым его автор, британский историк Э. Хобсбаум, понимал искусственное создание практик ритуально-символического характера, целью которых является внедрение определенных ценностей и норм, а средством достижения цели — регулярное повторение [Хобсбаум, с. 48]. Наличие целеполагания, символичность и повторяемость описанных нами мемориальных ритуалов не вызывает сомнений. Однако важно отметить, что с конструктивной точки зрения большинство из них не изобреталось «с чистого листа», а заимствовалось, адаптировалось, усложнялось, символически перекодировалось.

Также приведенные факторы свидетельствуют, что при безусловной важности одобрения тех или иных мемориальных инноваций государственно-партийными

и комсомольскими функционерами высокого ранга, важную роль в конструировании ритуально-мемориальных практик играли также педагоги и низовые идеологические работники. За счет экспериментов с новыми ритуальными формами и использования военного антуража они пытались сделать эти практики более интересными для подрастающего поколения с целью повышения эффективности воспитательно-патриотической работы.

* * *

Таким образом, процесс «изобретения» традиций, ритуалов и церемоний не происходит «с чистого листа» — в каждом конкретном сценарии наблюдается разное соотношение традиционности / инновативности. Появление кажущихся новыми ритуалов в действительности чаще всего является результатом более или менее креативного конструирования из уже существующих в отечественной или зарубежной мемориальной культуре практик, сценариев, материально-символических объектов, причем предложенных как «сверху», так и «снизу». Нельзя не отметить и серьезное влияние «внешнего» фактора, причем трансграничный трансфер ритуалов мог происходить в латентной, зачастую не отрефлексированной самими акторами форме, подвергаясь затем адаптации и перекодированию в соответствии с особенностями советской мемориальной культуры. Такой же процесс актуализации проходили ритуалы предыдущих исторических периодов из отечественной традиции. Кроме того, очевиден эффект своеобразной «ритуальной синергии», когда возникновение одних ритуалов создавало условия для появления и развития других. Например, широкое распространение культов Неизвестного солдата и Вечного огня в Советском Союзе способствовало появлению школьно-комсомольских постов № 1, развитие которых, в свою очередь, обусловило возникновение сопутствующих ритуалов, например, произнесения специальной клятвы перед заступлением на пост.

Источники

- Вечный огонь на Марсовом поле // Ленинградская правда. 1957. 7 нояб.
Георгиева Т. Крылья «Альбатроса» // Новороссийский рабочий. 1967. 11 окт.
Добровольский И. В День Победы // Знамя коммунизма. 1957. 12 мая.
Егорычев Н. Г. Солдат. Политик. Дипломат. Воспоминания об очень разном. М.: Центрполиграф, 2017.
Ищенко Г. Севастополь // Правда. 1966. 10 мая.
Калинин М. И. Слово агитатора на фронте. М.: Воениздат, 1943.
Картюк С. Предчувствие новодела: Берлинская стена, in memoriam. URL: <http://www.worldhist.ru/club/user/27/blog/5/> (дата обращения: 20.11.2022).
Клятва у гроба героя // Красная звезда. 1943. 14 авг.
Королев М. Память зовет к борьбе // Правда. 1967. 30 июля.
Краминон Д. Вчера в Лондоне // Правда. 1956. 20 апр.
Криворотенко В. Г., Подыма К. И. Комсомольско-пионерские посты: Из опыта работы. М.: Просвещение, 1986.

- Муравьев В. Б.* Могила Неизвестного солдата. М. : Моск. рабочий, 1987.
- Новороссийский комсомол: фотографии, документы, воспоминания / под ред. Ю. А. Полушина. Краснодар : Книга, 2015.
- Общевойские уставы Вооруженных сил СССР. М. : Воениздат, 1979.
- Открытие памятника освободителям Керченского полуострова // Красная звезда. 1944. 11 окт.
- Памятник Вечной славы. Он создается в Киеве, на берегу Днепра // Литературная газета. 1956. 8 мая.
- Памятник Неизвестному солдату // Литературная газета. 1957. 22 авг.
- Память о них будет жить в веках. Открытие в Киеве памятника Вечной славы воинам Советской армии // Правда Украины. 1957. 7 нояб.
- Парк Вечной славы // Правда. 1957. 11 нояб.
- Подольский А.* Автору «Бригантины» // Литературная газета. 1968. 25 дек.
- Подыма К. И.* Счастливого плавания тебе, «Шхуна ровесников»! М. : Детская литература, 1975.
- Поженян Г.* Камни Аджимушкай // Известия. 1967. 24 окт.
- РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 50. Д. 596. Постановления Президиума ЦК КПСС и материалы по вопросам празднования важнейших военных событий... (1954–1959 гг.).
- РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. М-1. Оп. 34. Д. 726. Материалы бригады ЦК ВЛКСМ «О работе Волгоградской городской комсомольской организации...». Ч. 1. (1972–1973 гг.); Ф. М-3. Оп. 15. Д. 10. План работы и стенограммы заседаний комиссии по подготовке и проведению Всемирного фестиваля. Ч. 1. (август-октябрь 1956 г.).
- Стоят мальчишки на посту / [фот. В. П. Коновалова ; авт. текста Г. И. Саакв]. М. : Сов. Россия, 1983.
- Устав гарнизонной службы Красной Армии. Омск : ОГИЗ, 1942.
- Яшунина Л. В.* Живые истоки. URL: <http://artekovetc.ru/book10.html> (дата обращения: 20.11.2022).

Исследования

- Еремеева А. Н., Коваленко Т. В.* Сохранение памяти о Великой Отечественной войне: региональные практики (1941–1945) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 1. С. 25–39. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.002>
- Копосов Н.* Память строгого режима. История и политика в России. М. : Новое литературное обозрение, 2011.
- Куляпин А., Скубач О.* Время героев: подвиг в советской литературе и культуре // Новый мир. 2018. № 3. С. 126–138.
- Лейн К.* Ритуал военно-патриотической традиции // Неприкосновенный запас. 2015. № 3. С. 44–56.
- Мальшева С. Ю.* «На миру красна»: инструментализация смерти в Советской России. М. : Новый хронограф, 2019.
- Мельникова Е.* Руками народа: следопытское движение 1960–1980-х гг. в СССР // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 20–53.
- Попов А. Д.* «Умереть коммунистом»: отношение к смерти, похоронный ритуал и память о погибших в Красной Армии (1941–1945 гг.) // Конфессиональная политика советского государства в 1920–1950-е годы : материалы XI Международной научной

конференции. Великий Новгород, 11–13 октября 2018 г. М. : Полит. энциклопедия, 2019. С. 222–230.

Поршинева О. С. Исследование политики памяти: к преодолению методологической дихотомии (на примере Первой мировой войны) // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 2 (39). С. 128–141. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10208>

Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. М. : Новое литературное обозрение, 2021.

Хархордин О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб. ; М. : Изд-во ЕУ СПб : Летний сад, 2002.

Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.

Юдкина А. Б. «Огонь войны и огонь мира»: первые «вечные огни» в СССР // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве : сб. ст. М. : РГГУ, 2013. С. 249–257.

Юдкина А. Могила Неизвестного солдата в советском мемориальном ландшафте // Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре / сост. А. Д. Соколова, А. Б. Юдкина ; отв. ред. Д. В. Громов. М. : ИЭА РАН, 2015а. С. 256–279.

Юдкина А. Б. «Памятник без памяти»: первый Вечный огонь в СССР // Неприкосновенный запас. 2015б. № 3(101). С. 112–135.

Davis V. Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City. London : I.B. Taurus, 2018.

Gill G. Symbols and legitimacy in Soviet politics. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2011.

Tumarkin N. The Living & The Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. New York : Basic Books, 1994.

References

Davis, V. (2018). *Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City*. London: I. B. Taurus.

Eremeeva, A. N., & Kovalenko, T. V. (2021). Sokhranenie pamiati o Velikoi Otechestvennoi voine: regional'nye praktiki (1941–1945) [Preserving the Memory of the Great Patriotic War: Regional Practices (1941–1945)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(1), 25–39. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.002>

Gill, G. (2011). *Symbols and Legitimacy in Soviet Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hobsbawm, E. (2000). Izobretenie traditsii [Invention of Traditions]. *Vestnik Evrazii*, 1, 47–62.

Kharkhordin, O. V. (2002). *Oblichat' i litsemerit': genealogiia rossiiskoi lichnosti* [Denounce and Dissemble: Genealogy of the Russian Personality]. St Petersburg; Moscow: EU SPb Press; Letnii sad.

Koposov, N. (2011). *Pamiat' strogogo rezhima. Istoriia i politika v Rossii* [Memory of the Strict Regime. History and Politics in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Kulyapin, A., & Skubach, O. (2018). Vremia geroev: podvig v sovetskoj literature i kul'ture [Time of Heroes: Feat in Soviet Literature and Culture]. *Novyi mir*, 3, 126–138.

Lane, C. (2015). Ritual voenno-patrioticheskoi traditsii [Ritual of Military-Patriotic Tradition]. *Neprikosnovennyi zapas*, 3, 44–56.

Malysheva, S. Ju. (2019). “Na miru krasna”: instrumentalizatsiia smerti v Sovetskoj Rossii [“Misery Loves Company”: The Instrumentalisation of Death in Soviet Russia]. Moscow: Novyj hronograf.

Mel'nikova, E. (2018). Rukami naroda: sledopytskoe dvizhenie 1960–1980-kh gg. v SSSR [By People's Hands: The Pathfinder's Movement of the 1960s–1980s in the USSR]. *Antropologicheskii forum*, 37, 20–53.

Popov, A. D. (2019). “Umeret' kommunistom”: otnoshenie k smerti, pokhoronnyi ritual i pamiat' o pogibshikh v Krasnoi Armii (1941–1945 gg.) [“Die as a Communist”: Attitude to Death, Funeral Ritual, and Memory of the Dead in the Red Army (1941–1945)]. In *Konfessional'naia politika sovetskogo gosudarstva v 1920–1950-e gody: materialy XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Velikii Novgorod, 11–13 oktiabria 2018 g.* [Confessional Policy of the Soviet State in the 1920s–1950s: Materials of the 11th International Scholarly Conference. Veliky Novgorod, 11–13 October 2018] (pp. 222–230). Moscow: Politicheskaya entsiklopediia.

Porshneva, O. S. (2020). Issledovanie politiki pamiati: k preodoleniu metodologicheskoi dikhotomii (na primere Pervoi mirovoi voiny) [A Study of Memory Policy: To Overcome Methodological Dichotomy (Using the Example of World War I)]. *Nauchnyi zhurnal “Diskurs-Pi”*, 2, 128–141. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10208>

Smolkin, V. (2021). *Sviato mesto pusto ne byvaet: istoriia sovetskogo ateizma* [Holy Place is never Empty: The History of Soviet Atheism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Tumarkin, N. (1994). *The Living & The Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York: Basic Books.

Yudkina, A. B. (2013). “Ogon' voiny i ogon' mira”: pervye “vechnye ogni” v SSSR [“The Fire of the War and the Fire of the Peace”: The First “Eternal Flames” in the USSR]. In *Mifologicheskie modeli i ritual'noe povedenie v sovetskom i postsovetskom prostranstve* [Mythological Models and Ritual Behaviour in the Soviet and Post-Soviet Space] (pp. 249–257). Moscow: RGGU.

Yudkina, A. B. (2015a). “Pamiatnik bez pamiati”: pervyi Vechnyi ogon' v SSSR [“Monument without Memory”: The First Eternal Flame in the USSR]. *Neprikosovennyi zapas*, 3, 112–135.

Yudkina, A. (2015b). Mogila Neizvestnogo soldata v sovetskom memorial'nom landshafte [A Tomb of the Unknown Soldier in the Soviet Memorial Landscape]. In A. D. Sokolova, & A. B. Yudkina, *Memento Mori: pokhoronnye traditsii v sovremennoi kul'ture* [Memento Mori: Funeral Traditions in the Modern Culture] (pp. 256–279). Moscow: IEA RAN.

Попов Алексей Дмитриевич

кандидат исторических наук

¹ доцент кафедры истории России

Крымский федеральный университет

им. В. И. Вернадского

295007, Республика Крым, Симферополь,

пр. Академика Вернадского, 4

² старший научный сотрудник

сетевого исследовательского центра

«Человек, природа, технологии»

Тюменский государственный университет

625003, Тюмень, ул. Володарского, 6

E-mail: popalex79@mail.ru

Popov, Aleksei Dmitrievich

PhD (History)

¹ Associate Professor

Department of Russian History

V. I. Vernadsky Crimean Federal University

4 Akademika Vernadskogo Ave.,

295007 Simferopol, Republic of Crimea, Russia

² Senior Researcher

Network Research Centre “Humans, Nature, Technology”

Tyumen State University

6 Volodarskogo St., 625003 Tyumen, Russia

Email: popalex79@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5672-1198>

Scopus AuthorID: 57190138295

WoS ResearcherID: Q-2159-2017